Написал это таинственно-могучее имя, созвучное слову «тайфун» (туфан (*тат.*) — потоп, наводнение; море, лавина; град, поток) и остановился. Почему пугает оно меня? В нём соединились тревога и буря, сила и величие. Это слово, окунаясь в пучины веков, через тысячи бед и лишений дошло до наших дней, став неотъемлемым от общей судьбы татарского народа...

Человек, заботящийся о будущем рода-племени, вряд ли даст своему ребёнку случайное имя. Должно быть, родители Туфана ещё при рождении сына предрекали ему трудную, беспокойную, но великую судьбу, вот и назвали таким необычным и редким до поры до времени у татар именем.

Почему же я так много об этом размышляю? Наверное, потому, что найденное родителями имя — это своего рода жизненная установка и голос судьбы. Носитель такого имени невольно старается оправдать его, чтобы оно соответствовало своему предназначению. А как это непросто — быть достойным имени Туфан!

Написал на листе бумаги это имя и задумался... До сих пор я был уверен, что хорошо знаю Туфана Миннуллина,— мы бок о бок прожили с ним более сорока лет... Но когда сел за письменный стол, чтобы написать о нём, то растерялся, как мальчишка из сельской глубинки, впервые увидевший необъятное море. Видимо, общаясь с этим человеком на протяжении долгого времени, читая его книги и внимательно просматривая постановки пьес, я, при всём своём восхищении его талантом, видел не море во всей его необъятности, а лишь ощущал отдельные волны, порывы морского ветра. А когда заново прочёл книги и статьи Туфана и нанизал на одну волшебную нить его действия и поступки, то будто впервые со всей серьёзностью проникся его величием.

Вот уже несколько десятков лет он по праву считается ведущим татарским драматургом. Но было время, он восхищал нас и короткими, как летняя ночь, крепкими, как ядро ореха, рассказами, в которых описывал простодушных и в то же время своенравных и хитроумных сельчан.

Взяв в руки эти рассказы, написанные три-четыре десятка лет назад, я испытал какое-то двойственное чувство. Стоит ли их перечитывать? Не секрет: в детстве каждый холм кажется Эверестом, а ручей, который по колено воробью,— большой рекой... Романы некоторых писателей, в своё время считавшихся классиками, сейчас воспринимаются как бесконечная рядовая газетная статья... Может, не трогать огрубевшими от времени руками творения Туфана, когда-то приносившие праздник в твою бесхитростную душу?..

Однако, преодолев колебания, я стал читать. И уже не мог оторваться, радуясь, что книги эти выдержали испытание временем и по-прежнему трогают сердце. Я ещё раз перечитал не только рассказы, но и пьесы, повести, стихи, рубаи, дневниковые записи Туфана Миннуллина... И автор предстал передо мной подлинным классиком нашей литературы, аксакалом нации.

Я знал, что плохой человек не может создавать хорошие, глубокие произведения. Можно писать внешне мастерски, образно, но если в основе души автора не лежит доброе начало, читатель всё равно до конца не примет его работу. Творческий человек должен быть прежде всего искренним. С одной стороны, быть искренним вроде бы нетрудно. Разве сложно рассказать людям об увиденном, поведать свои мысли и чувства? Однако это в лучшем случае называется простодушием, а простофиль в народе никогда не жаловали. По-настоящему искренний человек делится с другими не только тем, что лежит на поверхности, но и самым сокровенным: чувствами, сомнениями, ошибками, страхами... И этим отдаёт себя на суд читателя.

В каждом произведении Туфана Миннуллина — искренность и тревога за судьбу народа. Иногда он чересчур обнажает свои чувства, бывает откровенен даже больше, чем нужно. Всё же читатель воспринимает его вместе с ошибками, понимает, оказывает ему духовную поддержку, начинает считать Туфана своим близким человеком именно за эти бесхитростные, откровенные чувства и распахнутую душу.

Чтобы действительно стать великим, народным писателем, наряду с искренностью необходимо обладать рядом других качеств. Речь не идёт о богатстве языка, умении мастерски закручивать сюжеты и иных навыках — всё это бесспорные вещи. Впрочем, как ни странно, произведения, написанные пёстро и вычурно, зачастую сверкают как бабочка-однодневка, а потом забываются, пропадают.

Писатель, прежде всего, должен найти больное место человека и своим произведением, как чудодейственным снадобьем, «залечить» его. Это значит, он должен уметь пропускать через свою душу переживания и тревоги окружающих его людей, судьбу всего народа. Для этого, в первую очередь, необходимо быть личностью.

А сильная личность — это, как правило, человек, у которого есть великая цель и которому есть что сказать. Это ещё и человек, хорошо понимающий, где и как надо это сказать. Туфана Миннуллина я знал именно как личность, обладавшую этими качествами и достоинствами, и поэтому воспринимаю его целиком со всеми его нестандартными поступками и странностями.

То, что было у него на душе, он мог без обиняков выложить и другу, и врагу. Иногда мог обидеться или обидеть, но никогда не вставал в позу, в общении держал себя на равных что с дворником, что с президентом. Когда речь заходила о судьбе народа, страны, он никогда не оставался в стороне,— напротив, несмотря ни на что, яростно вступал в самое пекло проблемы.

Он завладевал мыслями многих. Когда его спрашивали, почему наши мудрые руководители неизменно прислушиваются к его словам, Туфан отвечал с улыбкой: «Они думают головой, а я — сердцем. Секрет лишь в этом».

Я много думал о волшебной силе его произведений, старался понять их. И пришёл к простому выводу. Талант, творческое своеобразие Туфана Миннуллина заключаются в умении любить людей, природу, жизнь в целом. Иные, возможно, скажут, что Туфан иногда и сердился, и гневался, и ненавидел. Да, бывало, он и серчал на что-то, но это чувство представляло собой этакую «сердитую озабоченность» за народ. Отрицательные герои в его произведениях — не пропащие люди, они, скорее, люди обманувшиеся, запутавшиеся в дебрях своей судьбы. Они тоже дети Туфана, и они также имеют право на жизнь на этой грешной земле, ибо они — творения Всевышнего. Даже ангел смерти Азраил, приходящий за душами людей, волей Туфана Миннуллина постепенно меняется в лучшую сторону, и сердце писателя само начинает симпатизировать ему.

В повседневной, материальной жизни всего хватает — и плохого, и хорошего. Придя в лес, ты можешь сорвать ядовитый гриб, а можешь и прекрасный, нежный цветок. Каждый находит то, что ищет. Туфан Миннуллин всё время искал Красоту. И когда находил её, от всей души ликовал. Поэтому, когда читаешь его произведения или смотришь пьесы, в усталую душу будто вновь вливается энергия, хочется делать добрые дела, самозабвенно любить и жить полнокровной жизнью.

Говорят, если хочешь узнать сущность человека, его душу и корни, надо поехать на его малую родину. Истоки, среда, люди — всё это оставляет в художнике неизгладимый след. Я много слышал о селе Большое Мереткозино Камско-Устьинского района — и в произведениях Туфана, и от людей, живущих там. Летом Туфан везёт в своё село самых близких по духу людей. С шутками-прибаутками они то баньку вместе построят, то ещё что-то по хозяйству сотворят. А вернувшись в Казань, делятся впечатлениями, вспоминая разные «приключения» и забавные случаи. И мы, тогда молодые борзописцы, слушали писателя с открытым ртом и с белой завистью.

Я много раз собирался съездить в легендарное село, но побывал там совершенно неожиданно. Однажды Туфан-ага предложил мне: «Слушай, поехали через весь Татарстан на запряжённой лошадью телеге! Ты, я, Марсель Галиев — втроём». Тогда в Азнакаевском районе супруге Туфана Миннуллина, знаменитой артистке Назибе Ихсановой, земляки подарили на юбилей великолепную породистую лошадь. Конечно, это благородное животное должны были доставить на машине, но Туфану захотелось на лошади проехать до Мереткозина. С детства влюблённые в коней, мы отправились в путь.

Это предприятие вначале представлялось мне каким-то детским дурачеством, этаким поэтическим вздором. Но, увидев внезапно помолодевшего Туфана, и мы тоже словно сбросили со своих плеч неподъёмный груз прожитых лет. Пять дней и ночей

мы добирались до Мереткозина, ругая грузовики, от которых покрывались пылью с головы до ног, покашивая сено на попутных лугах, валяясь на лесных полянах с их ароматными, слегка кружащими голову травами. Проезжая мимо развалин Болгара, уже на берегу Волги, Туфан показал рукой: «Вон там, за горами-холмами, и стоит наше Мереткозино».

А по реке навстречу нам вышла большая баржа, длиной чуть ли не с километр. «И это по-туфановски», — подумал я про себя. Но главное удивление было впереди.

За этими приключениями я уже начал представлять себе, что село Мереткозино — это не что иное, как волшебный и счастливый остров где-то за горою Каф.

Вот наконец на краю горизонта показались дома, в вечерних сумерках высветился минарет сельской мечети. Улицы, тропинки, заборы, ворота, дома почти такие же, как в нашей деревне. Казалось, в том не было удивительного.

Я посмотрел на Туфана-абый. Он, будто позабыв обо всём на свете, застыл у своего коня, как падишах, обозревающий родные владения. Здесь всё ему было дорого и близко, его встречали как самого дорогого человека, любили и верили ему. И мечеть, и дорога, и дом здесь были построены им. Казалось, это была не только его малая родина, а и его небольшое независимое государство. Он с такой любовью рассказывал о каждом дереве, о каждом кустике в саду, что мы незаметно для себя влюбились в это чудесное село.

На второй день мы с Марселем отправились на машине в Казань. Туфан остался в деревне, словно ребёнок, не желавший покинуть объятий матери. Долгое время мы ехали молча, каждый вновь и вновь распутывал клубок памяти, переживая перипетии этого путешествия.

Да, чтобы быть истинным писателем, прежде всего нужно иметь крепкую основу, твёрдую почву под ногами, любимый и любящий тебя край, родную землю. Если крона творчества Туфана раскинулась на весь татарский мир, то корни его здесь, в Мереткозине. Однажды он сказал: «Я не признаю писателя великим, пусть его слава докатилась до Москвы и Парижа, если его не уважают и не принимают в родной деревне».

У Туфана Миннуллина было много качеств, отличавших его от других людей. Одно из них — нежелание летать воздушным транспортом. Куда бы он ни ехал, в какую бы тьмутаракань ни направлялся, ни за что не садился в самолёт, всегда выбирал поезд или машину. Не зная истинную причину этой причуды, я сам объясняю её так. У Туфана было столько мыслей, чувств, задумок, что он, видимо, не верил, что у самолёта хватит сил всё это поднять. Земля не отпустит, притянет обратно к себе. А иногда я думаю: он максималист, во всём доходил до конца. Может, боялся, что если хоть раз оторвётся от Земли, то уж никогда на неё не вернётся — всё будет лететь и лететь, аж до звёзд?..

Кому-то может показаться странным, что я просто, без всякого приукрашивания, изображаю крупнейшего писателя, неординарную личность, признанного драматурга, словно он бесхитростное дитя. А ведь в каком-то смысле это действительно так. Разве человек с недетской душой стал бы в московском Дворце съездов зачёркивать букву «А» на стоящей перед ним табличке «ТАССР»? Это были годы, когда Татарстан пытался выйти из рамок автономии и требовал, чтобы ему предоставили союзный статус. Туфан Миннуллин же в то время был народным депутатом СССР. Когда Татарстан объявил о своём суверенитете, Туфан-абый и вычеркнул «А» в аббревиатуре «ТАССР». Табличку переправили, а он снова вычеркнул. И так несколько раз. Наконец терпению организаторов пришёл конец, и они оставили укороченную аббревиатуру в покое. Что это, как не детскость, своего рода ребячество? Но ведь

дело касалось вековых чаяний народа. А стремление по-ребячески, простодушно донести их до других говорит о том, что Туфан Миннуллин во Дворце съездов не был обычным депутатом, он по-прежнему оставался писателем и незаурядной личностью. Ведь настоящий писатель — это «умный ребёнок», божественный талант, всю жизнь не теряющий детскости.

Туфан Миннуллин не любил людей равнодушных, инертных, спящих на ходу, бездеятельных, бестолковых; вообще не любил пустоту в обществе и жизни. Там, где он бывал, всё оживало и, как он сам, приходило в энергичное движение. Комнаты и залы наполнялись его громоподобным голосом, бодростью, его мыслями и улыбками. Он ни к чему не был равнодушен. Когда нужно, умел и гневаться, и удивляться, и восхищаться. Он рассказывал вдохновенно и слушал вдохновенно. Поэтому везде был желанен. У Туфана был редкий дар — умение «заставлять» людей скучать по нему... Он всегда говорил громко, его слышно было чуть ли не за полкилометра. Своим рокотом он будто заявлял: «У меня от вас, люди, никаких секретов нет! Пусть все услышат мои слова!»

У Туфана Миннуллина было много удивительных особенностей. При встрече он широко распахивал объятия, искренне, душевно здоровался, но, прощаясь, никогда не протягивал руки. То ли эта была вера в древний обычай?.. Но я вижу в этом некий намёк и даже большой смысл. Он словно бы говорил: мы расстаёмся, но не навсегда.

Разве не чудо — признание народом имени Туфан после великого татарского поэта Хасана Туфана? «Младший» Туфан пришёл в литературу, получив благословение от «старшего». В одном из своих стихотворений Хасан Туфан восклицал: «Талантлы син, Кеше туганым!» («Талантлив ты, брат Человек!») А мне слышится: «Талантлы син, Кече туганым!» («Талантлив ты, мой младший брат!»)

А талант Туфана Миннуллина заключается в умении жить судьбой нации как своей, в созидании прекрасных, ошеломляющих, таинственно-многозначительных произведений, в стремлении и умении быть частицей народа, его любимым ребёнком и верным, храбрым защитником.